

История Руси в историографии и истории IX—X вв.

Николай Смахович,
зав.центром истории Беларуси конца
XVIII—XXI вв. Института истории
НАН Беларуси, доктор исторических
наук, доцент

Полоцкое княжество (Полоцкая Русь), Туровское княжество (Туровская Русь) – первая историческая форма белорусской государственности. У наших предков в глубокой древности были свои политические лидеры, которые отстаивали интересы народа. Первый полоцкий князь, происходивший из рода варягов-викингов, Рогволод был независимым правителем. В его правление наша земля находилась в шаге от судьбоносного исторического решения, но, увы, ему не суждено было сбыться.

Термины и определения

Термина «Киевская Русь» в известных летописных источниках нет. Он понадобился российским историкам в первой половине XIX в. для того, чтобы в их сочинениях процесс формирования государства восточных славян приобрел целостный характер. Такую же политико-идеологическую функцию выполняли и выполняют термины

«Древняя Русь», происхождение которого также не связано с историческими источниками, и «княжество», которого в политической лексике IX–XI вв. не было, нет его и в известных летописных источниках. Изначально термин «земля» был политонимом: «Греческая земля» – синонимом Византийской империи, а «Деревьска земля» – обозначением независимого государственно-политического образования – княжения древлян. Такими же образованиями были и другие летописные княжения-земли: Полоцкая, Новгородская, Черниговская, Волынская, Смоленская и др. Это значит, что князья, политическая и властная элита того времени, вкуче с церковным клиром осознавали главное, а именно то, что обязательным атрибутом земли, княжения, волости была власть и только власть. «Повесть временных лет» (ПВЛ) прямо указывает на то, что князь – «глава есть земли» [8, с. 73], в современном понимании – глава государства, следовательно, основным признаком государства была власть. Если обратиться к термину «славяне», можно лишь констатировать наличие многих концептуальных толкований его сути. В сравнении с ним еще более сложным является термин «русь». Первым, кто попытался его осмыслить, были авторы «Повести временных лет». В их версии он, с одной стороны, использовался для именованя этноса, с другой – стал олицетворением новых государственно-политических образований. Эта противоречивость сказывалась на всех последующих исследовательских толкованиях этимологии слова «русь». Версию летописцев многие поддержали, но и до первой четверти XXI в. решить этот вопрос в форме общепризнанной трактовки не удалось.

Вывод очевиден: осмысление указанной терминологии в области изучения истории становления белорусской государственности – актуальная задача отечественной историографии.

Историография

История Полоцкой земли нашла отражение в значительном количестве трудов разного жанра. В научном отношении приоритет в осмыслении истории Полоцкого княжества принадлежит В. Игнатовскому и М. Довнар-Запольскому. В 1920–1930-х гг. пионерами в изучении истории Полоцкой земли стали археологи, в частности А. Лявданский, Б. Рыбаков, Л. Алексеев. В 1982 г. В. Седов, основываясь на изучении материалов археологических раскопок, создал концепцию субстратного происхождения белорусского этнического сообщества, которая оказала большое влияние на обобщающие выводы отечественных археологов, но в свете исследований генетиков не нашла подтверждения и утратила актуальность. В 1970–2010 гг. приоритет в изучении полоцких древностей принадлежал одному из основателей национальной археологической школы – Г. Штыхову. Кроме того, история Полоцкого княжества была предметом исследования М. Каргера, В. Тарасенко, С. Тарасова, Д. Дука, Л. Дучиц, М. Гурина, А. Войтеховича. В той или иной степени история Полоцкой земли нашла отражение в трудах дореволюционной российской, российской советской, украинской историографии. К их числу относятся работы С. Геденова [1], А. Горского [2], Б. Грекова [3], В. Мавродина [4], А. Насонова [5], А. Никитина [6], А. Новосельцева [7],

М. Покровского [9], Б. Романо-ва [10], Б. Рыбакова [11], А. Сахарова [12], П. Толочко [13], И. Фроянова [14] и многих других. Конечно, работы этих советских и российских историков, которые стали своего рода историографической классикой, рассматривать можно и нужно, но у них был существенный изъян: выстраивая свои концепции, которые касались истории становления государственности у восточных славян, авторы не уделяли должного внимания Полоцку. Приведем характерный пример. В своей монографии Б. Греков писал: «Под Киевским государством мы понимаем то большое государство, которое возникло в результате объединения Новгородской Руси с Киевской Русью» [4, с. 445]. И ни слова о Полоцке и полочанах, а также по поводу того, почему в составе большого войска, которое собрал «новгородский князь Олег», оказались кривичи, нет и объяснения, чьи это были кривичи.

Вместе с тем за 95-летний период существования Института истории НАН Беларуси в белорусской историографии не было предъявлено диссертаций по источниковедению истории Беларуси IX–XII вв.

Полоцк в истории Руси, Русская земля в IX–X вв.

В связи с тем, что на протяжении длительного времени российскими историками Полоцкое княжение было «отлучено» от процесса образования Древнерусского государства, в историографии дискурса о Полоцкой Руси не было. Поэтому в вопросе исследования истории становления белорусской государственности необходимо отталкиваться от осмысления существующей

источниковой базы. Основным летописным источником по предмету статьи являются известия, изложенные в «Повести временных лет». Центральным, ключевым событием, связанным со становлением государственности, стало летописное сказание о призывании варяг. Среди сторонников норманской концепции происхождения государства восточных славян, кроме ее основателей, были Х. Френ, М. Погодин, М. Карамзин, С. Соловьев, В. Ключевский. К лагерю антинорманистов принадлежали М. Ломоносов, В. Татищев, И. Эверс, М. Каченовский, Н. Надеждин, И. Беляев, Д. Иловайский, С. Гедеонов, А. Никитин, другие историки. Летописец поведал, что в 859 г. славянские роды кривичей и новгородцев, а также роды чуди и мери находились в даннической зависимости от заморских варягов, но в 862 г., объединившись, эти роды полностью освободились и стали независимыми. Однако это не принесло мира и согласия, они пошли войной друг на друга, поскольку не смогли решить вопрос о власти, то есть избрать на вече общего для их княжений правителя. В результате решили пригласить на княжение тех же заморских варягов, выбрали своих представителей, и общая делегация подалась за море. Согласие на верховное правление дал варяжский конунг Рюрик, который прибыл с дружиной в Новгород. После этого своих наместников он послал и к другим родам, участвовавшим в призывании, в том числе в Полоцк. Поскольку сами призванные именовали себя русью, летописец констатировал: «И от тех варягъ прозвася Руская земля» [8, с. 31]. Так земля славянская получила другое имя. Действительно, если новгородцы добро-

вольно отказались от свободы и независимости, а иноземец Рюрик возглавил их княжение, тогда в соответствии с вековой родовой традицией с этого момента новгородские славяне должны были именоваться «от рода варяжска, Руской землей». Некоторые современные российские историки пишут, что «лексема “варяг” или “варяги” появляется в древнерусской письменности не ранее первой половины XII в., ретроспективно обозначая социальное положение человека (“наемник”), а не его этническую принадлежность» [6, с. 94, 95]. Конечно, киевские летописцы начала XII в. мыслили и излагали историю в понятиях своего времени, а не времени середины IX в. Но современные ученые ставят под сомнение летописное сказание все с той же целью – объявить, что «варяжская (нормандская) проблема» действительно является затянувшейся ошибкой русской (и мировой) историографии» [6, с. 95]. Автор данной статьи с этим утверждением не согласен. Между тем тенденция к опровержению летописного сказания в российской историографии набирает обороты. «Таким образом, если Рёрик и Рюрик – одно лицо, то у русских князей было родство по браку с Каролингами. <...> Очень похоже, что археологические находки во Фрисландии являют собой свидетельства “предпосылок” перемещения Рюрика в Восточную Европу <...>. Итак, оба главных этнических компонента, участвовавших в складывании государства Русь, – восточные славяне и “варяги”, – получили импульс политического развития от франков» [2, с. 19–25]. Необходимо прямо сказать, что когда/если российские историки примут «полную внеисторичность легенды о

“призвании”, – по отношению к Новгороду на Волхове и древнерусскому государству в целом» [6, с. 168, 169], тогда Русь Рогволода – Полоцкая Русь – остается единственной истинной Русью.

Но почему же летописец в новелле о призвании ничего не сказал о Полоцке? Ведь и полочане добровольно призвали Рюрика и должны были именоваться «от рода варяжска, Руской землей». Полагаю, не сказал умышленно по трем причинам. Первой из них была военно-политическая конфронтация между правителями Киева и Полоцка. Скажу прямо, ни один известный исследователь не принимал этот фактор в расчет. Но мы обязаны учитывать, что в 1065 г. Всеслав, правивший в Полоцке, напал на Псков, в 1066 г. – на Новгород, город был захвачен и разграблен. В отместку 3 марта 1067 г. в битве на Немиге Ярославичи победили, Всеслав бежал. Его пленение и заключение в темницу закончилось 7-месячным княжением в Киеве. В 1069 г. Всеслав вновь воюет с Новгородом, в 1077 г. Владимир Мономах дважды пытался захватить Полоцк. В 1078 г. Всеслав напал на Смоленск, где княжил Мономах, сжег город. После смерти Всеслава его сыновья вели отчаянную борьбу с Владимиром Мономахом. И как же в условиях непримиримой военно-политической конфронтации киевский летописец, а основное содержание ПВЛ было очерчено именно в конце XI – начале XII вв., мог лояльно относиться к Полоцку и без пристрастия описывать его изначальную историю? Ведь упоминание наравне с Новгородом о Полоцке ставило точку в вопросе о территориальной и этнической локализации «Руси» и «Руской земли». Безусловно, по

политико-идеологическим соображениям решиться на такой шаг автор ПВЛ не мог. Кроме того, мы должны помнить, что историю всегда писали, пишут и будут писать победители.

Вторая причина заключалась в том, что рюриковские наместники правили в Полоцке недолго. Нам неизвестно, направлял ли киевский князь Игорь своего наместника в Полоцк, но после его смерти полочане сами пригласили на княжение новую русь, на этот раз варяжский род конунга Рогволода. И примерно начиная с 945–946 гг. этот род варягов-викингов княжил в Полоцке, а род конунга-варяга Тура княжил в Турове. Поэтому по причине смены династии киевский летописец и решил не именовать Полоцкую землю «Руской землей».

Не менее значимой была и третья причина. Летописная новелла о расселении восточных славян сообщает: «...инии седоша на Двине и нарекошася полочане, речьки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася полочане» [8, с. 26]. В другой новелле ПВЛ сообщает, что у славянских родов были княжения, было княжение и «на Полоте, иже полочане. От нихъ же кривичи, иже сеять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днестра, их же градъ есть Смоленск; туда бо сеять кривичи. Таже северъ от нихъ» [8, с. 27]. То есть полочан прямо называют родоначалием всех кривичей, – «от нихъ же кривичи». «Повесть» говорит, что у полочан было княжение, но по прошествии времени полочкие славяне были наречены прозвищем «кривичи», то есть кривичи – их житейское прозвище. В этой новелле Полоцк не назван, но сообщение о том, что на Полоте было княжение, указы-

вало на факт существования его столицы, что снимало вопрос о Полоцке. Вместе с тем летописец не только указал регионы и города, но и конкретизировал: «от нихъ же», то есть от полочан-кривичей, и ими же заселены (указаны направления расселения) Подвинье, верховья Волги, Днестра, основаны Псков и Смоленск. Об этом знали в Полоцке, а также в Новгороде, Пскове и Смоленске, поэтому полоцкие князья еще долгое время претендовали на владение Псковом и Смоленском. Кроме того, в недатированной ПВЛ, говоря современным языком, в ее вводной части есть весьма конкретное высказывание: «Се токмо словенскъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, ноугородцьци, полочане, дреговичи, северъ, бужане, зане седоша по Бугу, после же вельняне» [8, с. 27, 28]. В этой новелле среди родов, отнесенных к Руси, нет кривичей. Никакого объяснения этому факту никто из историков не давал. Так почему же их нет среди славян? Их нет по той причине, что указано их родоначалие – полочане. Между тем в новелле о варяжском призвании сообщается следующее: «а перьвии насельници в Новгороде словене, въ Полотьски кривичи» [8, с. 31]. Вот и получается, что, если в предыдущих новеллах летописец широко расселившийся род не включил в состав родов «Се токмо словенскъ языкъ в Руси», он не мог именовать этот род «Руской землей». С другой стороны, указанные противоречия и нестыковки подтверждают предположение А. Шахматова о том, что не только новелла о призвании, но и другие известия были включены в ПВЛ другими летописцами и в другое время. Принимая во внимание тот факт, что из городов, основанных полочанами-кривичами, только

в Полоцк Рюрик послал своего наместника, можно уверенно утверждать, что в 862 г. делегацию кривичей представляли только полоцкие кривичи. Это значит, что и в других известиях, называя кривичей, летописец говорит о полочанах.

В новелле о походе Аскольда и Дира на Константинополь термины «русь», «язычники русские» послужили для именованья только воинских отрядов варягов-викингов – указание на то, что кроме рода Рюрика к «руси» принадлежали и другие варяжские роды. Следует сказать, что в IX–X вв. варягов-викингов, воинов киевского князя Олега, именовали термином «русьские», но киевские летописцы в конце XI – начале XII вв. под влиянием церкви вместо «русьские» стали писать «русские». В 882 г. Олег город Киев (род мужской) нарек «матерью» городов русских. Но из контекста новеллы вполне очевидно, что Киев был захвачен силой оружия, очевидно и то, что землю полян подчинили варяги, полочане и «прочи, прозвашася русью» и пришедшие с Олегом. Видим мы и неожиданный поворот летописного повествования. В этой новелле впервые термин «русь» стал именовывать землю-территорию. Князь Олег сказал, что Киев будет «мати градомъ русьскимъ» на момент этого утверждения только тем городам, которые были под властью Олега. Из славянских городов это касалось Полоцка, Новгорода и Смоленска. Следовательно, «Русь, Русьская земля» к концу IX в. охватывали только территории Полоцкого, Новгородского, Смоленского княжений, то есть это была территория Новгородской Руси и Полоцкой Руси.

«И бе обладая Олегъ поляны, и деревляны, и северяны, и ради-

мичи, а съ уличи и теверци имяше рать» [8, с. 33]. Летописец подытожил, что Олег правил захваченными княжениями-землями, именно княжениями, которые платили ему дань, но эти земли не именованы терминами «Русьская земля», «Русь». Это были княжения, подчиненные силой оружия, а не единое добровольное этно-территориальное объединение. И что характерно, летописец не назвал ни одного города из тех, которые были у древлян, северян, радимичей, не назвал потому, что Киев не был им матерью.

Стало быть, ко времени кончины князя Олега никаких твердых правовых основ его владычества над другими государственно-политическими княжениями не существовало. Да и государства как единой социально-политической организации в том понятии, которым спустя века его наделили историки, то есть с единой властью, единой территорией, единым народом, не существовало. Поэтому другие князья не признали над собой власть князя Игоря и прекратили с ним отношения. Не признали его радимичи и древляне. Территориально княжение Олега фактически «развалилось».

В 945 г. греки прислали к киевскому князю Игорю своих послов, которые предложили заключить мирное соглашение, но не с «Руской землей», а с «князем руским». И опять же ни о какой клятве, принесенной «Руской землей», ПВЛ не говорит. Неопровержимым фактом было и то, что событие происходило в Киеве, но летописец не назвал ни Киев, ни Киевщину этой самой «Руской землей». В 955 г. княгиня Ольга побывала в Константинополе, приняла крещение. Когда же она попыталась обратить в христианство сына Святослава, тот

ей ответил: «Како азъ хочю инъ законъ прияти единъ? А дружина моа сему смеяться начнуть» [8, с. 46]. Сей факт указывает на то, что в киевском княжении князь не обладал всей полнотой власти, не был самовластным верховным правителем. Ольга же сказала: «Воля божья да будетъ; аще богъ хоцетъ помиловати рода моего и земле Руские, да възложить имъ на сердце обратитися къ богу, якоже и мне богъ дарова» [8, с. 46]. Совершенно очевидно, что здесь понятие «Руская земля» не несет никакой этнической нагрузки, в данной цитате это христианская идеологема от имени летописца.

Киевский князь Святослав, не будучи христианином, в 968 г. принял кардинальное решение. Он заявил своей матери Ольге: «Не любо ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи» [8, с. 48]. Святослав не называет свою землю «Руской землей», а поскольку он не был полновластным верховным правителем, значит, вся властная элита питала неприязнь к Киеву. Это был осознанный выбор Святослава и его правительства. В 971 г. греки пошли на заключение нового мирного договора. В нем Святослав клялся от самого себя, то есть от «князя руския» и от подвластных ему «руских» («по до мною Русь»), но ни разу не назвал свою землю и не клялся от «Руския земли». При наличии таких фактов нет предпосылок и оснований вести речь о Киевской Руси, Русской земле, которую якобы представлял только Киев.

А сейчас обратим внимание на еще один неоспоримый исторический факт. Зададимся вопросом: почему новгородские посланники в 970 г. пригрозили Святославу: «Аще не поидете к намъ, то налеземъ князя собе» [8, с. 49]. Проще

говоря, новгородцы прямо заявили: «Не беда, что у Новгородской Руси нет правителя, мы пригласим на княжение другого варяжского князя». Ведь они знали, что полочане уже пригласили к себе варяжского правителя.

Далее события начали развиваться только после трагической гибели Святослава. В 973 г. в Киеве начал править его старший сын Ярополк. Князем он был, но, как и его отец, всей полноты власти не имел. Именно этим обстоятельством руководствовался внебрачный сын Святослава Владимир, который послал сватов к своему соседу – варяжскому князю Рогволоду, правившему в Полоцкой Руси. Причина сватовства была веской: только женитьба на варяжской принцессе открывала (и открыла) Владимиру «дверь на княжеский трон» в Киеве. Принцесса Рогнеда совершенно справедливо отказала Владимиру, поскольку, согласно родовому праву, он оставался сыном рабыни. Однако междинастические браки были делом политическим, и, хотя отказ прозвучал из ее уст, конечно, это была позиция правительства Рогволода. Летописец пояснил, что полочане готовились к свадьбе, а не к войне. «В се же время хотячу Рогънедь вести за Ярополка». В случае этого брака были бы породнены династии Рогволода и Рюрика, после этого течение истории Руси вошло бы в «естественные» берега. Чтобы не допустить такого развития событий, «и приде Володимеръ на Полотескъ и уби Рогъволода и сына его два, и дъщерь его поя жене» [8, с. 53]. В свою очередь полоцкое правительство рассчитывало, что между Полоцкой Русью и Новгородской Русью сохраняются союзные договорные отношения, сложившиеся в 862 г. Оно не предполагало, что

следствием отказа станет разрыв этих отношений, вероломный внезапный удар в спину, коварное нападение на город. Владимир фактически без сопротивления захватил его и жестоко расправился с семейством князя Рогволода. Однако своего наместника в Полоцкой Руси он не оставил и никакой дани город ему не платил. Вместе с тем в новелле о сватовстве Владимира киевский летописец был вынужден открыть то, о чем ранее не сообщал, что умышленно скрывал, так как этот факт разрушал все его утверждения и известия относительно Русской земли. «Бе бо Рогъволодъ пришель и-заморья, имяше власть свою в Полотьске, а Туры Турове, от него же и туровци прозвашася» [8, с. 52]. Но здесь не сообщается, каким путем Рогволод пришел из-за моря и как к его княжению относился киевский правитель Святослав. Следовательно, летописец знал об этом пути, который ничем не отличался от Рюрикова пути. Учитывая тот факт, что воинственный и решительный Святослав не протестовал, а имена Рогволода и Тура упоминаются вместе, это значит, что и Тур был варягом и пришел «и-заморья». Отметим и тот факт, что летопись не называет жителей Турова дреговичами, а именует их «туровцами», что является еще одним доказательством «варяжскости и русьскости» князя Тура. В свою очередь Владимир во время 3-летнего заморского пребывания был осведомлен о Рогволоде, возможно, именно там ему посоветовали породниться с полоцким князем. Эти летописные факты являются неопровержимым доказательством того, что Полоцкая Русь – это истинная Русь, «Руская земля». С другой стороны, осмысление летописного источника обязывает сказать

о том, что вывод, относящийся к Полоцкому княжению, в полной мере относится и к Новгородскому княжению. Таким образом, в IX в. у истоков Руси было два политических центра восточных славян – Новгород и Полоцк. Следовательно, Полоцк – отец городам белорусским, а Новгород Великий – отец городам российским. В X в. территория этих княжений-государств являлась зримым воплощением Руси и Русской земли. Именно поэтому даже в период Великого Княжества Литовского за нашей землей оставалось ее изначальное имя, таковым оно является и поднесь. ■

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гедеонов С.А. Варяги и Русь / С.А. Гедеонов. – СПб., 1986.
2. Горский А.А. «Бещисленные рати и великия труды...»: Проблемы русской истории X–XV вв. / А.А. Горский. – СПб., 2018.
3. Греков Б.Д. Киевская Русь / Б.Д. Греков. – М., 1949.
4. Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства / В.В. Мавродин. – Л., 1945.
5. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства / А.Н. Насонов. – СПб., 2006.
6. Никитин А.Л. Основания русской истории: мифология и факты / А.Л. Никитин. – М., 2001.
7. Новосельцев А.П. Образование древнерусского государства и его первый правитель / А.П. Новосельцев // Вопросы истории. 1991. № 2–3.
8. Повесть временных лет // Повести Древней Руси. XI–XII века. – Л., 1983.
9. Покровский М.Н. Избранные произведения в четырех книгах / кн. 1. Русская история с древнейших времен. Т. I–II. / М.Н. Покровский. – М., 1966.
10. Романов Б.А. Люди и нравы древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. / Б.А. Романов. – М., Л., 1966.
11. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Происхождение Руси и становление ее государственности / Б.А. Рыбаков. – М., 2014.
12. Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси: IX – пер. пол. X века / А.Н. Сахаров. – М., 1980.
13. Толочко П.П. От Руси до Украины: пути исторической памяти / П.П. Толочко. – М., 2020.
14. Фроянов И.Я. Начала русской истории. Избранное / Фроянов И.Я. – М., 2001.